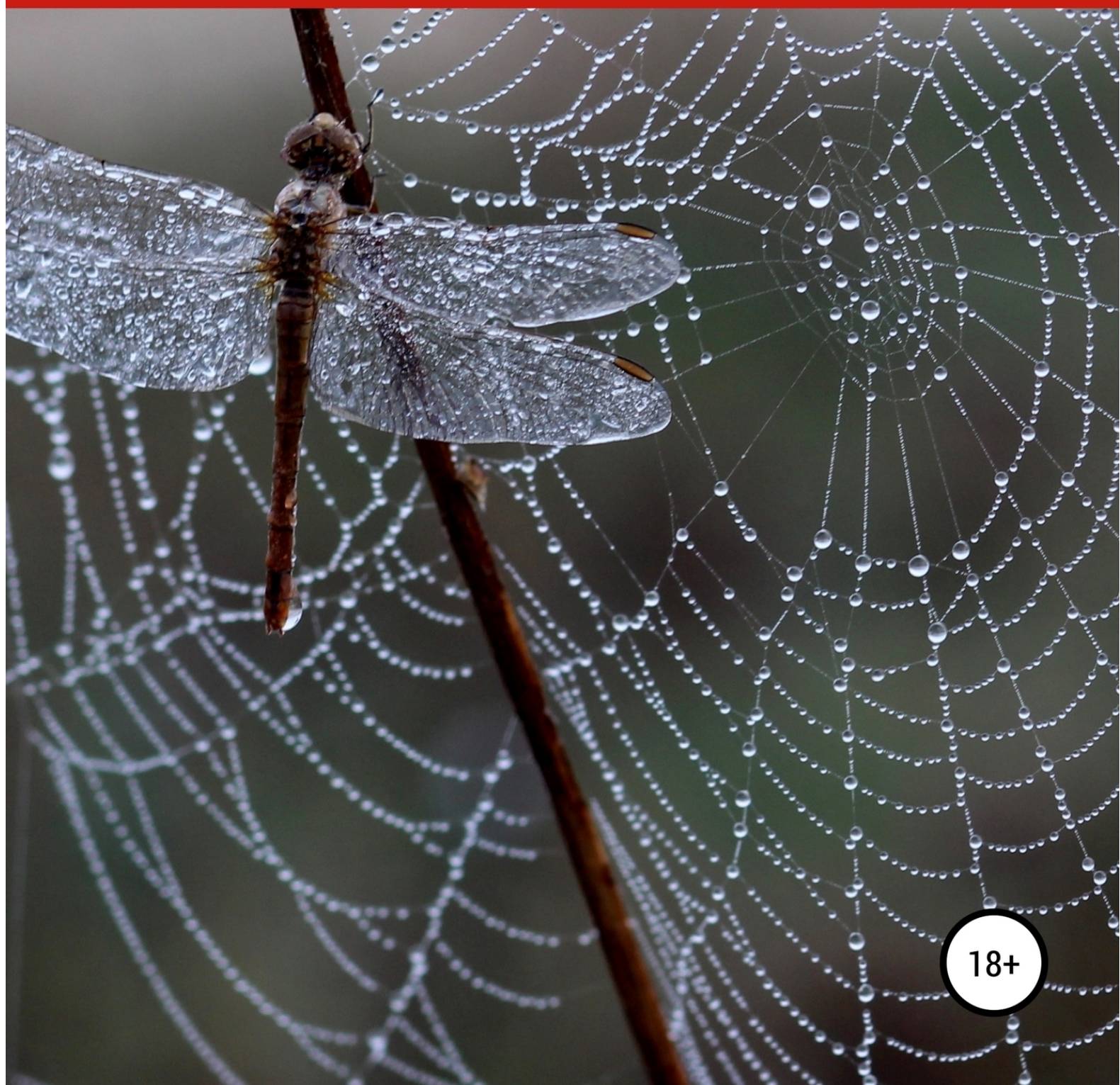

Игорь Белладоннин

Добыча

Сборник новелл

18+

Игорь Белладоннин

Добыча

«ЛитРес: Самиздат»

1988

Белладоннин И.

Добыча / И. Белладоннин — «ЛитРес: Самиздат», 1988

В сборник входят три новеллы, написанные в 1987—1988 годах, когда отношения мужчины и женщины ещё не были виртуальными, когда они умели хотеть друг друга не только в форме лайка и репоста. В «Добыче», давшей заглавие сборнику, первобытная антитеза охотник-жертва (мужчина-женщина) даст сбой, когда на пути охоты встанет чувство, а неспособность понять другого приведёт к краху только что обретённого идеала. Тирании наделённого погонами и властью человечка посвящена полная сарказма новелла «Курсант такой-то». В «Рождённых ползать» отношения двоих исчерпали себя, и один уходит, а другой пытается удержать уходящего, что вряд ли кончится хорошо.

© Белладоннин И., 1988

© ЛитРес: Самиздат, 1988

Содержание

Добыча	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Добыча

Средь шумного зала он поймал её взгляд и в глазах потемнело, как при ударе лбом о самосвал, и вся его прошлая двадцатитрёхлетняя жизнь рухнула ему под ноги, но подбирать её было уже некогда, да и незачем.

Добыча шла к нему в руки сама, хорошая, классная добыча, с такой не стыдно и Москве показаться. Их улыбки слились в одну, большую и светлую, потом светлое исчезло, осталось только большое, и она спросила, чтобы что-то спросить:

– Ну как, вы нашли свою группу?

Они уже шапочно познакомились прошлым вечером, когда он, опоздавший на маршрут на день, искал свою сборную туристическую группу, и она уже успела поведать ему о себе самое главное: откуда и с кем её сюда занесло.

– Увы, нашёл.

Они стояли в гостиничном холле у столика фотографа и он маленькими порциями заглядывал её: коварно вздёрнутый носик, пухлые наивные детские щёки, сочные спелые губы, лукавые глаза с отчаянным гитарным изгибом, пряди светлых некрашенных волос, изящную фигурку секс-бомбы, целомудренно упакованную в белые полупрозрачные блузон и юбку с намёком на белые трусики и, на закуску, точёные загорелые ножки в гладиаторских римских сандалиях.

– Почему же так увы?

– Разочаровала меня моя группа. Одни семейные пары да безнадёжно старые девы. А у вас группа ничего, – оценил он только что выкупленную ею и представленную на его суд фотографию.

Его добыча стояла там с краешку, скромно потупившись, маленьким белым лебедем в стае ворон и индюшек.

– Да, вас бы к нам – одни девы. И заметьте: не все ещё безнадёжно стары.

– Здесь русские девы – грозная сила, – произнёс он по возможности громко, когда они уже покинули гостиницу и проходили сквозь строй очень весёлых, очень энергичных и, когда надо, очень суровых молодых черноволосых мужчин. – И местное население не сумело перед ней устоять.

– Ну куда там. Вы ведь не видели, что творилось здесь вчера вечером? В ход пошла даже вот эта гражданка, – она показала на фото нечто шкафообразное в блондинистом парике.

– А вдруг таким образом местное население, воспитанное в духе социалистического интернационализма, просто демонстрирует нам, то есть вам, чувства искренней дружбы и уважения?

– Тогда наша задача – ответить им тем же!

– Или сверх тем же. Наверное, вторая смена заступила, ведь должны же они когда-то отдыхать, я уж не говорю про работу. Кстати, а как провели вчерашний вечер вы?

– Так мы сидели с подружкой в номере, и я читала.

– И что же вы читали?

Он задал этот важный вопрос и мысленно зажмурился в ожидании удара по своему необыкновенно развитому чувству прекрасного фамилией какого-нибудь современного, несгибаемого, как памятник Ильичу, классика соцреализма.

– Агату Кристи.

Они подошли к экскурсионным ЛАЗам и остановились недалеко от её группы. Она вроде бы не рвалась от него к своим индюшкам, но и не созрела пока ещё для того, чтобы решительно махнув хвостом, уйти из стаи.

– Достойное чтиво. А ваша подружка – это та, из Хабаровска?

– Да. Хорошая женщина.

– Возможно. Но она-то зря сидела в номере. Глупо упускать свой шанс, похоже, последний. Тёплая южная ночь, ласковый шум прибоя, трепетные порывы бриза или мистраля и горячий южный мужчина. Вах!

– Так завтра мы уезжаем в Тбилиси, а там, говорят...

– Да, тогда не всё потеряно, хоть там и нет моря. Тебя как зовут? – он, наконец, перешёл к делу.

– Люда.

– Меня – Костик. Куда вы сейчас едете?

– Так, по городу. А вы?

– И мы туда же. Может, лучше махнём купаться?

– А здесь можно? Говорят, здесь нефтяные пятна по морю плавают.

– Что ты, здесь чистейшее из морей, последнее незагаженное. Куда чище твоего днепровского лимана. У тебя купальник с собой?

– Да, на всякий случай. И полотенце тоже.

Он не стал уточнять, на какой случай нужен купальник во время экскурсии по городу. Да на тот же самый, что и его плавки, заботливо уложенные в перекинутую через плечо сумку.

– Тогда двинули, чтобы к обеду вернуться, – он коснулся её локтя и повлёк к автобусной остановке.

Город скоро перешёл в промзону, где с жуткой ритмичностью клевали пустынную землю нефтекачалки. Потом справа потянулись унылые серо-оранжевые холмы, слева – пляжи и море. Впрочем, им было не до пейзажей: всю дорогу они оживлённо болтали. Слова вылетали удачные и лёгкие, одна тема без напряжения переливалась в другую. И всё это время своим бедром он ощущал её бедро, напрягавшееся на поворотах, но даже не пытался форсировать события, потому что знал точно: ночью он возьмёт её целиком.

Они сошли на безлюдной остановке, только два местных кадра проводили их любознательными всепонимающими взглядами. Море у берега казалось зелёным, а нефтяные пятна, очевидно, были уже слопаны какими-нибудь нефтелюбивыми микробами.

Они заплыли далеко за буйки, туда, где море становилось синим, и там он показал ей полёт по волнам в дельфиньем стиле. Она попыталась повторить его движения, но не сумела, рассмеялась над собой и тут же хлебнула солоноватой воды. Костику пришлось поддержать её за гладкую прохладную талию, и она зажмурилась, вероятно решив, что он будет целовать её или сразу полезет рукой в купальник.

Потом они балдели, лёжа рядышком на пустынном пляже. Они балдели от обжигающей ласки солнечных лучей, и от шершавой щекочущей ласки песка, и от вкуса и аромата яблока, которое кусали по очереди. Они наперебой восхищались внешней и внутренней политикой партии, обсуждали литературу, экологию, рок-музыку, Людкину автоматизацию технологических процессов и Костиковы архитектурные задумки, они, пожалуй, затронули своими язычками всё, кроме секса, и он балдел от её голоса, наплывавшего на голос моря, и от её черноморского сленга, напомнившего ему Одессу, а она балдела от его отточенных фраз, то ласковых, то ироничных, то цинично-злых.

Она села и молча стала засыпать его ноги, а затем и плавки горячим песком, и он понял, что она уже готова и её можно брать, но он не торопился, ему и без того было неплохо.

– Пора, – сказал он, вытряхнув из кармана часы. – Пошли, купнёмся напоследок.

Второе купание было уже не таким безмятежным. Они прощались с морем и каждый напоследок хотел взять от него максимум наслаждений.

Они растёрлись Людкиным полотенцем и расчесались Костиковой расчёской. Потом он смотрел на море пустыми глазами, а она шуршала за его спиной своим лебединым нарядом – переодевалась.

Они долго ждали обратного автобуса и в итоге опоздали на обед.

«Она, конечно, хорошая баба, – думал он, обгладывая куриную ножку, – но с городом лучше знакомиться в одиночку, иначе я не увижу ничего, кроме промтоварных магазинов».

И они договорились встретиться после ужина, чтобы посидеть в каком-нибудь ресторане.

– К вам подселили человека, – сказала Костику ресепшионистка, когда он спросил ключи от номера.

Костик не без досады толкнул незапертую дверь. На койке лежал белокурый, хорошо сложенный парень, его грудь и живот украшала замысловатая татуировка, отдельные сюжетные линии которой уходили глубоко в плавки.

– Я вас приветствую, – сказал ему Костик. – Константин.

Парень вскочил и пожал протянутую руку.

– Здорово, – сказал он. – Пётр. Можешь звать просто Пит.

– Никак американец?

Пит осклабился:

– Не, я с Новокузнецка.

– А, я так и думал.

– А ты никак из Москвы?

– Это что, так заметно?

– Это мне тётка сказала, которая прописывается.

Костик вежливо поулыбался. Пит достал из сумки бутылку шампанского и предложил:

– Давай за знакомство.

– Нет, спасибо.

– Да давай, чего ты.

– Побереги на вечер.

– Так вечером мы с тобой в кабак ходим?

– Я уже иду с одной.

– Так, а подруга у неё есть?

– Есть, но тебя не устроит. Да снимешь кого-нибудь, только не местную.

– Да может я и местную сниму. Они, сучки, все одинаково бабки любят, когда перед носом тряхнёшь. Ладно, я открываю, вечером ещё купим.

– Здесь сухой закон, это будет дорого стоить.

– Это меня волнует меньше всего.

«Слаб духом русский человек в этом вопросе, – думал Костик, закусывая шампанское яблоком, – и недолго ломается, когда судьба посылает ему счастливую возможность глотнуть чего-нибудь горячительного на халяву».

– Тебя каким ветром сюда? – спросил он.

– Попутным. Отдохнуть пару дней, с местными перетереть, где чего купить можно, раз-узнать, детишкам там, жене...

– И прочему населению города Новокузнецка. Ясно. А где работаешь?

– Учусь.

– Где?

– В международном институте.

Внутренне Костик прыснул – институт с таким диким названием во времена позднеразвитого социализма не мог существовать даже в Новокузнецке, – но тут же с самым серьёзным видом заявил:

– Сильное заведение. Кем станешь?

– Ну, этим... Международным юристом.

«Шпану подселили, – почти убедился Костик. – Ну что ж, по крайней мере, скучать с ним не придётся и денег у него, похоже, завались, так что на ответном шампанском можно и сэкономить».

– Это хорошо, Родине остро не хватает международных юристов.

– Да, неплохо. Ну ты найдёшь мне бабу?

– А ты сам не хочешь поискать?

– Ладно, поговорим, как деловые люди. У тебя там, в группе или где, есть кто?

– Ты на них, как деловой человек, и глядеть не станешь, – поморщился Костик. – Поищи пока сам, вечером видно будет. А я в город, – и он выскочил из номера, пока Пит с его примитивными шпанскими интересами не успел за ним увязаться.

Слегка подогретый шампанским, Костик с приятным ощущением колонизатора до вечера рыскал по древнему городу, выискивая восточную экзотику, но не пропуская при этом и торговые ряды с магазинами, однако разжился в итоге только арбузом.

После ужина он ждал Людку у выхода из столовой.

– Ну, мы идём? – спросил он её, подошедшую.

– Если ты не очень устал.

– Да нет, что ты. Так я за тобой зайду?

– Давай лучше встретимся в холле в восемь.

Пита в номере не было. Костик принял холодный душ, вычистил зубы, подстриг ногти, sprыснулся французским парфюмом, проверил наличие в потайном кармане белых брюк пары дежурных презервативов и попытался углубиться в Фолкнера.

Без десяти восемь он оглядел себя в зеркало и в общем остался доволен, особо отметив азартный блеск в глазах, румянец и энергичное в целом выражение лица.

Без пяти восемь он стоял в холле и прижимал к полу наглым немигающим взором взоры дам и дев, проносящих мимо него свои очень разного калибра достоинства.

Его добыча появилась в голубом сафари, и он сказал:

– Ты похожа на голубого лебедя.

Она просияла и тут же вздрогнула от радостного в простоте своей возгласа неизвестно откуда нарисовавшегося Пита:

– Во! Здорово!

– Привет. Знакомься: это Пит, но увы, не американец и даже не англичанин. А это Люда.

– Очень приятно. В кабак?

– В него.

– В какой?

– В какой-нибудь.

– Меня с собой возьмёте?

– Ну конечно! – Костик даже не особенно досадовал по поводу лишнего Пита, хотя от него не укрылся Людкин интерес к Питовой личности.

– Выбирай, – сказал он Питу, кивнув головой в направлении гостиничного холла. – Сниму любую, кто тебе приглянётся.

Пит отнёсся к этому серьёзно.

– Вон та ничего, но она с мужиком.

– Да, с мужиком не годится, ищи одиноких.

– Вон те две.

– Сразу две? И они совсем ещё зелёные, Пит.

– А, ладно. Пошли так.

– Ну как скажешь. Ты видишь, на него не угодишь.

– Почему не угодишь? Мне вот нравится Люда.

– Это не мудрено. Люда нравится всем. Но вкус у тебя, однако, есть.

– Ладно, мальчики, хватит вам.

В кабак они поехали на троллейбусе, этот кабак Костик присмотрел во время дневной вылазки.

У входа в кабак стояли всё те же молодые, весёлые, энергичные и суровые граждане и Костик шепнул Питу:

– Если ты кого и словишь здесь, то только абрека, курчавого и смуглого. Ты любишь таких?

– Ничего, сниму на танцах.

В зале было довольно много свободных мест. За одним из больших столов Костик углядел трёх девиц.

– Пошли к ним, – предложил он. – Хоть одна из них должна тебе понравиться.

– Нет, давай сядем отдельно, – сказал Пит.

– Что с тобой, Пит? Ты явно не в себе... а в ком-то другом, – Костик громко и развязно швырял глыбы слов в пустоту, внезапно отделившую от него Людку. Ему казалось, что Людка должна чувствовать себя с ними так же неудобно, как газета, которую собираются прочитать и сразу выкинуть, и это раздражало его, потому что он действительно сейчас видел в ней только вещь, приобретаемую им по дешёвке для удовлетворения не самого высокого полёта потребностей.

Официантка сообщила, что спиртного уже нет, и Пит пошёл утрясать этот вопрос на кухню.

Костик презрительно смотрел в потолок, Людка загадочно улыбалась. Их молчание затягивалось, а даму всё-таки полагалось развлекать, и Костик выдавил из себя наигранно светским тоном:

– Какой чудесный ресторан.

– И какая чудесная официантка, – поддержала его Людка.

– И какие замечательные клиенты, – продолжил вдохновлённый Костик.

– И какая прекрасная скатерть.

– И как великолепны мы. Рядом с этой скатертью.

Они рассмеялись, контакт был восстановлен. Он смотрел на неё весёлыми алчными глазами и хотел одного: напиться поскорее и влюбиться на одну ночь. Он чувствовал, что вполне может влюбиться в неё, но не без памяти: он привык любить чуть более стержневых женщин, уже затронутых какой-нибудь столичной червоточинкой.

Пит вернулся с приятной новостью: ему обещали семьсот пятьдесят водки. Вскоре принесли национальное блюдо, а потом и водку в кувшине из-под бульона. Они выпили «бульончика» пару раз, Пит дошёл до нужной кондиции и, благословлённый Костиком, отправился на охоту.

– Попрыгаем? – предложил Костик.

– Пошли, – улыбнулась Людка.

Они не стали прыгать, а обнялись, она положила голову на его плечо, и они закружились в лабиринте из таких же спаренных истомлённых потных тел.

Питовы дела также двигались в нужном направлении: он привёл за их стол миловидную казашку, угостил её из кувшина, после чего они исчезли.

– А Пит – он с тобой из одной группы? – спросила Людка.

– Да нет, сосед по номеру.

– Он забавный.

Ресторан закрывался. Пит вернулся заплатить по счёту: им насчитали четырнадцать с чем-то рублей. Костик сунул ему десятку и с живейшим интересом спросил:

– Ну как?

Пит горестно махнул рукой и опять исчез.

Костик с Людкой плыли, обнявшись, в чёрном море томливого южного воздуха. Водка и звёздное небо разбудили в них сентиментальность. Людка рассказала про своё первое замужество, а Костик – историю его последней, печально завершённой любви к столичной девушке Любе.

Их общая на тот момент путеводная звезда сквозь незнакомые кварталы вывела их прямо к пригостиничному скверику.

Они сидели на уединённой скамейке под какими-то неведомыми деревьями и снова он балдел от запаха её волос, от формы её губ, от чуть надтреснутого печального голоса хлебнувшей от судьбы женщины.

– Ну почему ты родилась в Херсоне? – шептал он в промежутках между поцелуями. – Я ведь знаю, мы с тобой больше не увидимся.

– Ты приедешь ко мне.

– А ты меняпустишь?

– Тебя, такого, и не пустить?

– Значит,пустишь? – он расстегнул сафари и поочерёдно целовал её груди.

– Если ты приедешь.

– Чёрт, как ты мне нравишься, мне всё, всё, всё нравится в тебе, всё, кроме имени.

– Мне тоже не нравится моё имя. А как бы ты хотел меня назвать? Любой?

Он чуть было не ответил утвердительно, но вовремя спохватился и назвал несколько других имён. Какая там Люба, когда рядом с ним была теперь Его Женщина, единственная в мире женщина, которую он не смог бы обидеть, которой он не смог бы изменить, нагрубить или соврать.

Он без прежнего энтузиазма думал о том, что это почти неземное создание придётся тащить в постель, чтобы низвести до уровня просто добытой на ночь самки и кончить утром головной болью, тяжёлым запахом изо рта и холодным безрадостным расставанием навсегда.

Нет, их роман, так красиво начавшийся, не имел права на бесславный конец, их роман теперь должен был жить вместе с ними, долго и счастливо.

Оттягивая момент неизбежного уже расставания, Костик до конца расстегнул голубое сафари и изучал на вкус её тело.

– Ну ты совсем раздел меня, – шепнула Людка. – А если кто-нибудь появится?

– Все давно уже спят, даже самые развесёлые из местных, но ты права, – сказал Костик, застёгивая её оперение. – Пошли, я провожу тебя.

Они поцеловались в последний раз под дверью её номера.

– Увидимся за завтраком, – шепнул Костик.

– Не опаздывай, я в восемь должна уже быть в автобусе, – шепнула в ответ Людка.

Костик чистил зубы, когда появился напрочь вылетевший у него из головы Пит, злой и возбуждённый.

– Ты Людку трахнул?

– Нет. А ты свою казашку?

– Тварь, смылась.

– Ты, наверное, начал прямо на улице?

– Да нет, приبلуда... А где Людка?

– У себя.

– Какой у неё номер?

Надо было, конечно, соврать, что не знает, но слишком уж красивым для такого низкого поступка было потопившее тогда Костика чувство.

– На втором этаже, прямо над нами.

Обессиленный вконец Костик закутался в простыню и закрыл глаза, но отведать приятных сновидений ему было не суждено. Реальность хлопнула дверью, зажётся свет и хриплый голос Пита произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.